

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 32.

Воскресенье 8 августа.

„Право“ издается в С.-Петербурге под редакцией приват-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшем участии: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкого и В. М. Устинова.

Содержание: 1) Результаты конференции мира.—К. 2) Назначение министром внутренних дел пенсий городским головам и членам управ.—Н. И. Лазаревского. 3) Право ипотечного кредитора на удержание за собою имения должника при несостоявшемся публичном торге.—О. Я. Пергамента. 4) Действия правительства. 5) Хроника. 6) Библиография: I. D-r Th. Kistiakowski. Gesellschaft und Einzelwesen. Berlin, 1899 г.—В. Бортневича. II. Вестникъ права, июнь 1899 г. 7) Ответы редакции. 8) Справочный отделъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦИЯ (Дмитровский пер., 6) открыта для личных объяснений по субботамъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку. Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ 10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій пер., 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Результаты конференціи мира ¹⁾.

Три задачи поставлены были конференціи мира декларациями русскаго правительства 12 августа и 30 декабря.

Конференціи предстояло разрѣшить три вопроса: во-1-хъ, объ уменьшеніи или, по крайней мѣрѣ, приостановкѣ роста военныхъ бюджетовъ,—объ облегченіи финансовыхъ затрудненій въ корнѣ расшатывающихъ благосостояніе народа; во-2-хъ, о гуманизации и упорядоченіи морской и сухопутной войны, а именно: о примѣненіи къ морскимъ войнамъ постановленій Женевской конвенціи 1864 г. и о пересмотрѣ Брюссельской деклараціи 1874 г., донынѣ не ратификованной, о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны; наконецъ въ 3-хъ, вопросъ о прекращеніи возникновенія войны, путемъ изысканія способовъ и мѣръ, къ миролюбивому разрѣшенію международныхъ несогласій.

Кадья изъ этихъ вопросовъ въ судьбности настолько обширнѣе и сложнѣе, что они могъ бы послужить предметомъ не только одной, но даже и несколькихъ конференцій, специально созванныхъ для его разрѣшенія. Акты конференціи печатались своевременно сво французскими издателями в парижскомъ изданіи „Dagblad“, выходящемъ подъ названіемъ: „La chronique de la conference“ ежедневно, во время конференціи; подъ редакціей известнаго англійскаго публициста и редактора „The Times“ сэра Роберта Коллингриджа, в Лондонѣ. Печатались также въ Бернѣ, в изданіи „Revue suisse de droit international“

Какъ извѣстно, въ 1868 г., по инициативѣ Италіи и Нидерландовъ, в Брюсселѣ собралась конференція специально для выработки правилъ о распространеніи началъ Женевской конвенціи 1864 г. на морскую войну. Въ 1874 г., по инициативѣ Императора Александра II, въ Брюсселѣ созвана была конференція для кодификаціи законовъ и обычаевъ сухопутной войны.

Съ чего не сумѣли осуществиться обѣ эти конференціи, въ настоящее время осужденъ по конференціи мира. Два международныхъ соглашенія—о примѣненіи началъ Женевской конвенціи къ морской войнѣ, о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны—составятъ эпоху въ исторіи развитія права войны.

Въ 1878 г. въ Петербургѣ созвана была новая конференція, воспретившая, какъ извѣстно, распространеніе разрывныхъ пуль. Гаагская конференція дѣлаетъ шагъ впередъ, въ разрѣшеніи употребленія другихъ, не менѣе безчеловѣчныхъ и жестокихъ, орудій истребленія. Говоря вообще, гаагской конференціей достигнута въ интересахъ гуманизации и упорядоченія войны больше, нежели всей совокупности предшествовавшихъ ей въ означенномъ направленіи попытокъ.

Вопросъ о миролюбивыхъ средствахъ разрѣшенія международныхъ несогласій—о посредствѣ, о международномъ третейскомъ судѣ и т. д.—до настоящаго времени трактовался исключительно международною доктри-

ной, пропагандировался идеалистами въ обществахъ мира, лишенныхъ какого-бы то ни было официальнаго значенія.

Гаагская конференція впервые дѣлаетъ попытку официальнаго признанія, официальной кодификаціи „права международнаго мира“. Она создаетъ обширную систему „анти-военныхъ“ учреждений и мѣръ, представляющую, при всемъ своемъ несовершенствѣ, при всей своей неполнотѣ, значительный и несомнѣнный прогрессъ въ области международной жизни.

Дѣйствительно, по вопросу о приостановкѣ роста военныхъ бюджетовъ Гаагская конференція ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не пришла. Однако, то, что ею сдѣлано по другимъ вопросамъ, вполне обезпечиваетъ ей почетное мѣсто въ исторіи развитія европейской культуры.

Историкъ будетъ справедливѣе современниковъ; онъ признаетъ эту конференцію однимъ изъ наиболѣе многозначительныхъ и важныхъ явленій, характеризующихъ прогрессивный XIX вѣкъ.

На основаніи заключительнаго акта, конвенцій и декларацій, принятыхъ конференціей, постараемся очертить тѣ окончательные результаты, — положительные и отрицательные, къ которымъ она пришла.

I.

Приостановка вооруженія.

Въ видахъ приостановки роста военныхъ бюджетовъ русскимъ правительствомъ предложены были конференціи нижеслѣдующія мѣры:

1) Запретить на опредѣленное число лѣтъ измѣненіе существующихъ нынѣ типовъ ружья, пушки и взрывчатыхъ веществъ.

2) Запретить также на опредѣленное число лѣтъ увеличеніе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ.

3) Запретить употребленіе въ морской войнѣ подводныхъ миноносныхъ лодокъ, постройку военныхъ судовъ съ таранами и т. п.

Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ были отвергнуты конференціей безусловно; по другимъ она отказалась принять какое бы то ни было окончательное рѣшеніе въ виду необходимости предварительной, болѣе глубокой и всесторонней, технической ихъ разработки. Окончательный протоколъ конференціи выражаетъ пожеланіе, „чтобы вопросы о ружьяхъ и морской артиллеріи подвергнуты были изученію правительствами, для того чтобы такимъ образомъ прійти къ соглашенію относительно введенія въ практику новыхъ типовъ и калибровъ“.

Кромѣ того, по вопросу о самомъ принципѣ приостановки вооруженій, конференція единогласно приняла нижеслѣдующую резолюцію, внесенную въ окончательный протоколъ:

„Конференція полагаетъ, что облегченіе военнаго бремени, тяготящаго въ настоящее

время надъ міромъ, представляется въ высшей степени желательнымъ, въ видахъ увеличенія матеріальнаго и моральнаго благосостоянія человѣчества“.

Такимъ образомъ, основная мысль циркуляра 12 августа вполне усвоена конференціей европейскихъ державъ. Отнынѣ эта мысль не умретъ. Вопросъ о приостановкѣ вооруженія поставленъ на очередь; и когда европейскія правительства потребуютъ новыхъ кредитовъ на увеличеніе арміи или флотовъ, парламенты вспомнятъ о резолюціяхъ конференціи мира...

II.

Гуманизация войны.

Въ видахъ гуманизации войны конференція пришла къ нижеслѣдующимъ международнымъ соглашениямъ:

1. *Конвенція о примѣненіи началъ Женевской конвенціи 22 августа 1864 г. къ морской войнѣ.*

Конвенція состоитъ изъ 14 статей. Первые шесть статей трактуютъ о корабляхъ, несущихъ санитарную службу; ст. 7 — о санитарномъ персоналѣ; ст. ст. 8, 9 и 10 — о раненыхъ, больныхъ и потерпѣвшихъ крушеніе. Послѣднія 4 статьи содержатъ заключительныя постановленія о ратификаціи конвенціи, присоединеніи и отказѣ отъ нея.

Санитарные корабли, какъ военные, такъ и снаряжаемые частными лицами и официально признанными обществами воюющихъ или нейтральныхъ государствъ объявляются, подъ условіемъ соблюденія опредѣленныхъ формальностей, неприкосновенными и не подлежащими захвату; точно также не подлежатъ захвату коммерческіе корабли, яхты или другія суда нейтральныхъ государствъ, перевозящіе раненыхъ, больныхъ или потерпѣвшихъ крушеніе.

Духовный, медицинскій и больничный персоналъ всякаго захваченнаго судна признается неприкосновеннымъ и не можетъ быть объявленъ военнопленнымъ.

Раненые, больные и потерпѣвшіе крушеніе, попавшіе во власть враждебной стороны, признаются военнопленными. Къ какой бы національности они не принадлежали, они должны пользоваться въ плѣну надлежащимъ леченіемъ и уходомъ. Побѣдитель, по собственному своему усмотрѣнію, можетъ либо оставить ихъ у себя, либо направить ихъ въ свой портъ, или въ нейтральный портъ, или даже въ портъ враждебной стороны. Высаженные въ нейтральномъ портѣ, они должны въ немъ остаться до окончанія войны; возвращенные въ отечество, они до окончанія войны не должны нести военной службы.

Таково — разумѣется, въ самыхъ общихъ чертахъ — содержаніе разсматриваемой конвенціи. Тридцать лѣтъ со времени Женевской конференціи 1864 г. не прошли безслѣдно. Гааг-

ская конвенція по сравненію съ Женевскимъ проектомъ представляетъ значительныя преимущества, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точекъ зрѣнія. Для примѣра достаточно указать хотя бы на тотъ фактъ, что она объявляетъ санитарныя корабли неприкосновенными, тогда какъ, согласно Женевскому проекту, они отличались отъ другихъ непріятельскихъ кораблей только тѣмъ, что, подлежа захвату, они должны были, однако, употребляться захватившимъ государствомъ исключительно для санитарной службы.

2. Конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны.

Согласно первой статьѣ конвенціи, договаривающіяся стороны принимаютъ на себя обязательство издать въ руководство для своихъ сухопутныхъ военныхъ силъ инструкціи, содержаніе которыхъ соответствовало бы регламенту о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, принятому конференціей въ видѣ приложения къ упомянутой 1-й статьѣ настоящей конвенціи.

Регламентъ не охватываетъ исчерпывающимъ образомъ всего, такъ называемаго, „права войны“. Въ введеніи къ конвенціи прямо указано, что въ настоящее время оказалось невозможнымъ придти къ соглашенію по всѣмъ, безъ исключенія, возникающимъ на практикѣ вопросамъ. Конечно, продолжаетъ введеніе, договаривающіяся стороны не имѣли въ виду оставить непредусмотрѣнные случаи на произволь и усмотрѣніе начальниковъ войскъ. До тѣхъ поръ, пока не окажется возможнымъ составленіе болѣе полнаго кодекса законовъ войны, мирное населеніе и войска остаются подъ властью и охраной общихъ принциповъ международного права, установленныхъ обычаями цивилизованныхъ народовъ, равно какъ законовъ челоѣчности и требованій общественной совѣсти.

Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ своемъ видѣ регламентъ, состоящій изъ 60 статей, касается множества чрезвычайно важныхъ вопросовъ военного права. Его значеніе заключается не столько въ установленіи новыхъ началъ, впервые имъ провозглашаемыхъ, сколько въ официальной санкціи, въ официальном признаніи началъ, уже давнымъ давно общеизвѣстныхъ. Создавая изъ теоретическихъ положеній (Rechtssätze) юридическія нормы (Rechtsnormen), регламентъ впервые даетъ необходимую опредѣленность, необходимый авторитетъ такъ называемымъ „законамъ и обычаямъ войны“. Тотъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей современныхъ войнъ, — напр., франко-прусской, — тотъ знаетъ, какъ много ненужныхъ жестокостей, безчеловѣчныхъ репрессалій вызывается именно безсиліемъ или неопредѣленностью права, регулирующаго взаимныя отношенія воюющихъ другъ къ другу.

По своему содержанію, новый регламентъ

немногимъ отличается отъ Брюссельскаго проекта. Подобно послѣднему, онъ касается вопросовъ о правахъ и обязанностяхъ воюющей стороны, о военнопленныхъ, о средствахъ вредить непріятелю, объ осадахъ и бомбардировкахъ, о шпионахъ, о парламентаряхъ, о капитуляціяхъ и перемиріяхъ, о военной власти на занятой непріятельской территоріи, о воюющихъ, заключенныхъ или находящихся на излеченіи въ нейтральномъ государствѣ.

Нѣкоторыхъ постановленій Брюссельскаго проекта мы не встрѣчаемъ вовсе въ новой конвенціи; такъ, напримѣръ, она ничего не говоритъ объ отношеніи должностныхъ лицъ къ оккупационной арміи (ст. 4 Брюссельскаго проекта). Другія постановленія существеннымъ образомъ измѣнены конвенціей, — причемъ не всегда къ лучшему. Брюссельскій проектъ, напримѣръ, въ принципѣ допускаетъ взиманіе оккупационной арміей съ мѣстнаго населенія лишь существующихъ уже налоговъ, податей и пошлинъ или ихъ эквивалента; новая конвенція, — очевидно, въ виду невозможности другимъ путемъ прійти къ соглашенію — вынуждена была допустить взиманіе, кромѣ существующихъ налоговъ, специальныхъ *денежныхъ* контрибуцій, устанавливаемыхъ *ad hoc* для нуждъ арміи или мѣстнаго управления. (Срав. ст. 5 Брюсс. проекта и ст. 48 и 49 Гаагской конвенціи).

Съ другой стороны, въ конвенціи мы встрѣчаемъ и новыя — иногда въ высшей степени гуманныя — постановленія, направленные къ возможному смягченію бѣдствій войны. Согласно 14 ст. конвенціи, съ самаго начала военныхъ дѣйствій въ каждомъ изъ воюющихъ государствъ учреждается специальное справочное бюро военнопленныхъ. На бюро возлагается обязанность отвѣчать на всевозможныя справки, касающіяся военнопленныхъ; съ этою цѣлью оно получаетъ отъ компетентныхъ вѣдомствъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о ихъ мѣстонахожденіи, передвиженіяхъ, заболѣваніи и смерти. Кромѣ того, въ него стекаются, для передачи по принадлежности, движимая собственность, деньги, письма и другіе предметы, оставшіеся послѣ умершихъ военнопленныхъ.

Ст. 16 освобождаетъ письма, денежные пакеты, цѣнныя и другія посылки, предназначенныя для военнопленныхъ или посылаемыя ими, отъ всякой оплаты почтовымъ сборомъ, а также отъ фрахта за перевозку по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ какъ въ ихъ отечествѣ и мѣстѣ ихъ нахождения, такъ точно и въ промежуточныхъ государствахъ.

Врядъ ли необходимо доказывать, въ какой степени гуманны и благодѣтельны означенныя постановленія, какъ много отчаянія и горя они могутъ облегчить.

Нѣтъ никакой возможности умѣстить въ гзетную статью изложеніе — хотя бы и бѣглое — богатаго содержанія разсматриваемой конвен-

ці; казалось бы, и сказанного вполне достаточно для выяснения, по истинѣ, выдающагося значенія ея.

3) *Декларации, воспрещающія употребленіе чрезмѣрныхъ по своей жестокости орудій и средствъ войны.*

Хотя, какъ извѣстно, мысль объ означенныхъ декларацияхъ возникла при обсужденіи вопроса о приостановкѣ вооруженій, тѣмъ не менѣе, по своему существу, они, очевидно, относятся къ мѣрамъ, направленнымъ къ гуманизации войны.

Всего деклараций, принятыхъ конференціей, три.

„Вдохновляясь чувствами, нашедшими себѣ выраженіе въ Петербургской деклараци 1868 г.,“ договаривающіяся державы, во-первыхъ, отказываются отъ употребленія пуль, которыя расширяются или легко расплющиваются въ человѣческомъ тѣлѣ, каковы пули, твердая оболочка которыхъ не покрываетъ вполне ядра, или снабжена насѣчкой (такъ наз., пули думъ-думъ).

Во-вторыхъ, державы отказываются, срокомъ на пять лѣтъ, отъ бросанія разрывныхъ и другихъ снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ или какими-нибудь другими аналогичными, еще не бывшими въ употребленіи способами.

Наконецъ, въ-третьихъ, они признаютъ недозволеннымъ пользованіе снарядами, единственная цѣль которыхъ распространеніе удушасящихъ или смертоносныхъ газовъ.

Не трудно замѣтить, что практическое значеніе этихъ деклараций — въ особенности, двухъ послѣднихъ — сравнительно невелико.

Въ высшей степени, однако, важна и благородна ихъ основная мысль. Европейскія правительства стремятся, по возможности, парализовать успѣхи военной техники; они начинаютъ сознавать, что эти успѣхи, увеличивая истребительныя силы войны, тѣмъ самымъ дѣлаютъ ее все болѣе и болѣе невозможной.

К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ пенсій городскимъ главамъ и членамъ управъ.

Пока дѣйствовало городское положеніе 1870 г., вопроса о правѣ членовъ городскихъ управъ и городскихъ головъ на пенсію, въ особенности на пенсію изъ казны, не могло возникнуть въ силу того, что по закону эти лица не пользовались правами государственной службы.

Городское положеніе 1892 г., сообщившее городскимъ главамъ и членамъ управъ права государственной службы, между другими вопросами, выдвинуло и вопросъ о правѣ этихъ лицъ на пенсію и о порядкѣ назначенія таковой.

Согласно ст. 10 уст. пенс. (изд. 1896 г.), „чиновникамъ..., служащимъ въ городскихъ при-

сутственныхъ мѣстахъ и вообще получающимъ жалованье изъ городскихъ доходовъ, предоставляется право, равно какъ и ихъ семействамъ, на пенсіи и одновременныя пособія, вообще для чиновниковъ гражданской службы опредѣленные“. На основаніи ст. 181 эти пенсіи относятся на средства городского поселенія, причемъ примѣчаніе къ этой статьѣ постановляетъ, что эти пенсіи назначаются изъ городскихъ доходовъ, „если то возможно будетъ по обилію сихъ доходовъ; въ противномъ случаѣ, и если чиновникъ выслужилъ опредѣленный для пенсіи срокъ еще до поступленія въ должность, на городскомъ жалованьѣ состоящую, или совокупо съ проведеннымъ въ сей послѣдней временемъ, назначается ему и семейству его пенсія изъ казны“. Самое назначеніе пенсіи по ст. 186 производится министромъ внутреннихъ дѣлъ, который, если чиновники, состоявшіе на городскомъ жалованьѣ, занимали должности, не положенныя въ пенсіонныхъ окладахъ, сравниваетъ „ихъ должности съ тѣми званіями, по которымъ жалованье производится изъ казны, и которымъ присвоены уже пенсіонныя разряды“ (ст. 60).

На основаніи этихъ, повидимому, вполне ясныхъ и категоричныхъ велѣній закона, министръ внутреннихъ дѣлъ, насколько намъ извѣстно, дѣйствительно назначаетъ пенсіи изъ городскихъ средствъ, и города, оспаривая иногда правильность произведеннаго министромъ расчета пенсіи или отрицая тотъ фактъ, что данное должностное лицо состояло на городскомъ жалованьѣ, и поэтому утверждая, что на городѣ не лежитъ обязанности уплачивать ему пенсію (см. напр. „Право“ № 11 стр. 587—590), не спорили, однако, противъ самаго права министра на такого рода распоряженіе городскими средствами.

Между тѣмъ внимательный анализъ изложенныхъ выше статей уст. пенс. долженъ несомнѣнно привести къ тому выводу, что статьи эти не могутъ быть примѣняемы къ городскимъ поселеніямъ, въ которыхъ введены городовыя положенія 1870 и 1892 г. г.

Вытекаетъ это, во-первыхъ, изъ подстатейныхъ ссылокъ къ этимъ статьямъ, во-вторыхъ — изъ существа заключающихся въ нихъ постановленій и, въ-третьихъ, изъ принятой въ нихъ терминологіи.

І. Какъ видно изъ этихъ подстатейныхъ ссылокъ, статьи 10, 60, 181 прим. 1 и 2 ст. и 185, по скольку онѣ касаются вопроса о пенсіяхъ за *городскую* службу, основаны на узаконеніяхъ, состоявшихся до 1870 г. ¹⁾ Поэтому статьи 10, 60,

¹⁾ Имѣющаяся въ ст. 10 ссылка на Выс. утвержд. 10 дек. 1894 г. мѣнне государственнаго совѣта „о прекращеніи отдѣльнаго существованія государственнаго *земскаго* сбора“ не можетъ имѣть никакого отношенія къ вопросу о правѣ на пенсію должностныхъ лицъ, получающихъ жалованье изъ *городскихъ* средствъ.

примѣчанія къ ст. 181 и ст. 185 уст. пенс., по скольку онѣ касаются вопроса о порядкѣ назначенія пенсій изъ городскихъ средствъ, слѣдуетъ считать отмѣненными Высочайшимъ указомъ 16 июня 1870 г., въ которомъ, между прочимъ, о дѣйствовавшихъ въ то время узаконеніяхъ о городскомъ общественномъ хозяйствѣ говорится, что они, „утративъ свою современность, потребовали кореннаго обновленія. Вслѣдствіе того Мы повелѣли приступить къ общему оныхъ пересмотру и начертанію новаго законоположенія о городскомъ общественномъ хозяйствѣ и управленіи“.

Такимъ образомъ, для городскихъ поселеній, въ которыхъ было введено городское положеніе 1870 г., тѣмъ самымъ отмѣнились или замѣнились соответствующими постановленіями изданнаго тогда городского положенія всѣ тѣ законы о городскомъ хозяйствѣ и управленіи, которые не вошли въ приложение къ ст. 2 его, гдѣ были указаны „измѣненія въ правилахъ дѣйствующаго свода законовъ для городскихъ поселеній, гдѣ будетъ введено городское положеніе“.

А такъ какъ въ этомъ приложеніи никакихъ статей уст. пенс. указано не было, то надлежитъ признать, что со введеніемъ городского положенія ст. 10, 60, 181 и 185 уст. пенс. утратили силу въ томъ, что ими постановлялось о пенсияхъ по городскому общественному управленію, будучи отмѣнены или замѣнены соответственными постановленіями городского положенія.

Согласно Высочайшему указу Правительствующему Сенату отъ 11 июня 1892 года, городское положеніе того же года явилось лишь исправленіемъ несовершенствъ положенія 1870 г., и въ положеніи 1892 г. не содержится никакихъ постановленій о возстановленіи дѣйствовавшаго до 1870 г. порядка назначенія пенсій и отнесенія ихъ на средства города или казны, а напротивъ того, изъ п. 1 ст. 138 этого положенія ¹⁾ видно, что городское положеніе 1892 г. лишь подтверждало существовавшій во время его изданія порядокъ назначенія пенсій и отнесенія ихъ на средства города или казны, т. е., очевидно, порядокъ, основанный на положеніи 1870 г., а не на отмѣненныхъ имъ узаконеніяхъ.

Итакъ, независимо отъ содержанія ст. 10, 60, 181 прим. и 185 уст. пенс., по самому времени, когда состоялись узаконенія, легшія въ ихъ основу, статьи эти надо признавать утратившими силу (т. е. отмѣненными, замѣненными) въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, въ ко-

торыхъ введено городское положеніе 1870 или 1892 г.

II. Независимо отъ этихъ соображеній формальнаго характера, къ тому же выводу приводитъ и разсмотрѣніе самаго содержанія статей 10, 60, 181 прим. 1 и 2 и 185 уст. пенс.

По содержанію ст. 185 и 186 пенсіи изъ городскихъ средствъ назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, причемъ ему же предоставлено опредѣлять и самый размѣръ пенсіи въ тѣхъ случаяхъ, когда этого не сдѣлано закономъ (ст. 60).

Это правило могло имѣть примѣненіе, лишь пока дѣйствовала статья 1365 учрежд. мин. (св. зак. т. I. изд. 1857 г.), согласно которой „городскіе доходы, въ составѣ ихъ, въ образѣ раскладки, въ употребленіи на потребности городскія, принадлежатъ къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ“.

По введеніи городского положенія постановленіе этой статьи не могло сохранить свою силу, и по продолж. 1886 г. статья эта была дополнена слѣдующимъ образомъ: „Въ городахъ, въ коихъ введено городское положеніе 1870 г., власть и обязанности министра внутреннихъ дѣлъ по городскому хозяйству и благоустройству опредѣляются правилами, изложенными въ городскомъ положеніи“.

Съ правилами же этими (ст. 12, 25, 92, 111—115, 122—124, 127, 149) прежнее право министра внутреннихъ дѣлъ назначать пенсіи изъ городскихъ доходовъ было рѣшительно несомѣстимо. Поэтому относительно тѣхъ городовъ, гдѣ введено городское положеніе 1870 г., статьи 60 и 185 уст. пенс. изд. 1896 г., поскольку ими опредѣляется порядокъ назначенія пенсій изъ городскихъ средствъ властью министра внутреннихъ дѣлъ, должны считаться отмѣненными.

Равнымъ образомъ указанная статья уст. пенс. несомѣстима и съ тѣмъ порядкомъ завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ, который установленъ городскимъ положеніемъ 1892 г. Согласно ст. 2, 78—81, 84, 88, 95, 138 п. 1 и, ближайшимъ образомъ, п. 4 и 14 ст. 63 этого городского положенія, назначеніе пенсій изъ городскихъ средствъ относится къ обязанностямъ городскихъ думъ, причемъ, согласно ст. 78 и 79 того же пол., постановленія думъ по этому вопросу не нуждаются въ утвержденіи губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ и, по смыслу статей 141 и 142, министръ этотъ не вправе даже разсматривать жалобы на назначеніе городомъ пенсій.

Сохраненіе ст. 60 и 185 уст. пенс. въ изданіи 1896 г. отнюдь не можетъ доказывать и того, чтобы государственная канцелярія держалась на эти статьи другого взгляда, сравнительно съ изложеннымъ выше: сохраненіе въ сводѣ этихъ статей вполнѣ оправдывается тѣмъ, что къ 1896 г. городское положеніе не было введено въ городахъ Закавказскаго края,

1) „На средства городского поселенія относятся слѣдующіе предметы расходовъ: 1) Содержаніе городского общественнаго управленія; производство пенсій и пособій служившимъ по оному лицамъ, въ установленномъ порядкѣ отнесенныхъ на мѣстныя средства“.

Туркестанскаго края, Кубанской, Терской и Карсской областей, а также и въ другихъ городахъ, перечисленныхъ въ прим. 3 къ ст. 2 город. пол. (по прод. 1895 г.). Къ тому же и въ городахъ, гдѣ къ 1896 г. это полож. и было введено, могли быть лица, имѣвшія право на полученіе пенсіи согласно ст. 10, 60 и 185 уст. пенс. и еще не воспользовавшіяся этимъ правомъ.

Все изложенное выше относительно ст. 60 и 185 уст. пенс. исполнѣ примѣнимо и къ прим. 1 къ ст. 181 того же уст., опредѣляющему, въ какихъ случаяхъ лицамъ, окончившимъ службу на городскомъ жалованьѣ, можетъ быть назначена пенсія изъ казны.

Правило это извлечено изъ Выс. утвержденнаго 20 мая 1832 г. положенія комитета министровъ, коимъ постановлено „разрѣшить Министерству внутреннихъ дѣлъ о пенсіяхъ чиновникамъ, занимавшимъ таковыя (на городскомъ жалованьѣ) должности, каждый разъ входить въ Комитетъ съ особыми представленіями, сравнивая ихъ должности съ тѣми званіями, по которымъ жалованье производится отъ казны. По симъ представленіямъ, при возможности къ назначенію пенсіи изъ городскихъ доходовъ, судя по ихъ количеству, разрѣшать производство оной изъ сихъ доходовъ; въ противномъ случаѣ, и буде представляемый чиновникъ выслужилъ, какъ это нерѣдко случается, опредѣленный для пенсіи срокъ еще до поступленія въ должность, на городскомъ жалованьѣ состоящую, или совокупно съ проведеннымъ въ сей послѣдней временемъ, назначать ему или семейству его, соотвѣтственно бывшимъ уже примѣрамъ, пенсію изъ казны“.

• Такимъ образомъ, согласно этому положенію комитета министровъ, назначеніе пенсіи чиновникамъ городовыхъ присутственныхъ мѣстъ производилось комитетомъ, который, судя по обстоятельствамъ даннаго случая, главнымъ образомъ на основаніи имѣвшихся у него свѣдѣній о городскихъ доходахъ, назначалъ пенсію изъ этихъ доходовъ или изъ казны.

Закономъ 4 іюня 1857 г. (полн. собр. зак. № 31919) п. 1 а постановлено: предоставить единоличной власти министровъ „назначеніе пенсій и единовременныхъ пособій на основаніи общ. уст. пенс.“, до того восходившее на Высочайшее утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ.

Такимъ образомъ пенсіи изъ городскихъ средствъ или изъ казны, назначавшіяся на основ. прим. къ ст. 181 уст. пенс., назначались министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Правило о назначеніи чиновникамъ, служившимъ въ городовыхъ присутственныхъ мѣстахъ, пенсій по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ изъ городскихъ доходовъ или изъ средствъ казны находится въ самой тѣсной связи, во первыхъ, съ недостаточно послѣдовательно (до изданія городского положенія 1870 г.) про-

веденною раздѣльностью городскихъ и казенныхъ средствъ, а во вторыхъ, и притомъ главнымъ образомъ, съ тѣмъ, что распорядителемъ какъ городскихъ средствъ, такъ и казенныхъ (въ дѣлахъ о пенсіяхъ) былъ тотъ же комитетъ министровъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.)

Но теперь, когда законъ установилъ безусловную раздѣльность городскихъ и казенныхъ средствъ, когда завѣдываніе городскими доходами перешло въ руки совершенно обособленныхъ отъ министерства вн. дѣлъ органовъ, интересы которыхъ, вообще нерѣдко сталкивающихся съ интересами казны, въ этомъ вопросѣ имъ прямо противоположны, теперь постановленіе положенія комитета министровъ 20 мая 1832 г., разрѣшавшее (въ связи съ закономъ 4 іюня 1857 г.) сему министру назначать пенсіи вмѣсто городскихъ средствъ изъ казны, должно считаться утратившимъ силу (для городовъ, гдѣ введено городское положеніе).

III. Наконецъ, ни учрежд. властей и мѣстъ городскихъ, ни уст. о служб. выб. (св. зак. изд. 1857 г. т. II и III), ни ст. 586—699 зак. сост. (т. IX изд. 1876 г.) не называютъ городскихъ головъ, членовъ думъ, общей и шести-гласной, городскихъ и торговыхъ депутатовъ, бургомистровъ и ратмановъ—чиновниками. Это исполнѣ понятно, потому что всѣ эти должностныя лица не имѣли правъ государственной службы (и не имѣютъ ихъ въ городахъ, гдѣ не введено городское положеніе 1892 г.); согласно ст. 426 уст. служб. выб. (св. зак. т. III. кн. II изд. 1857 г.), или соотвѣтствующей ст. 636 зак. сост. (т. IX изд. 1876 г.), эти лица даже правомъ на чинъ пользовались (и пользуются) лишь „заурядъ“, т. е. „безъ присвоенія имъ дѣйствительнаго по сему классу (классу должности) чина“.

Подъ чиновниками городскихъ думъ, магистратовъ, ратушей и судовъ, согласно ст. 4439 и прим. къ ней, 4533 и друг. ст. общ. учр. городского обществ. управл. (св. зак. 1857 г. т. II ч. I), надо разумѣть лишь служащихъ въ канцеляріяхъ этихъ учреждений. На основаніи приведенныхъ статей всѣ чиновники этихъ канцелярій „считаются въ государственной службѣ“; число ихъ опредѣляется штатами; они назначаются „изъ лицъ, имѣющихъ по закону право на вступленіе въ государственную службу“.

Выборныя лица, служащія по городскому общественному управленію, согласно ст. 431 уст. сл. выб. или ст. 637 зак. сост. изд. 1876 г., получали жалованье отъ общества; но чтобы они, подобно „чиновникамъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ“, имѣли право на пенсію, законъ нигдѣ не говоритъ. Права этого имъ, какъ лицамъ, не имѣвшимъ правъ государственной службы, и не могло быть предоставлено.

Городовымъ положеніемъ 1892 г. устано-

вленъ обратный порядокъ: чиновники канцелярій городскихъ присутственныхъ мѣстъ служатъ по найму; правомъ государственной службы пользуются лишь нѣкоторыя выборныя должности (головы, члены управы и городскіе секретари).

Такимъ образомъ, съ одной стороны, возможность примѣненія постановленій ст. 10, 60, 181 прим. и 185 уст. пенс. къ чинамъ канцелярій городскихъ присутственныхъ мѣстъ, учрежденныхъ на основаніи городского положенія 1892 г., устраняется сама собою.

Съ другой же стороны, должностныхъ лицъ выборной городской службы, въ томъ числѣ городскихъ головъ и членовъ управъ, законы о пенсіяхъ чиновникамъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ мы указали выше, вовсе не имѣли въ виду. Поэтому, если бы даже, на основаніи того, что городскимъ головамъ и членамъ управы нынѣ предоставлены права государственной службы, и можно было бы говорить о какой-либо аналогіи между этими лицами и прежними чиновниками городскихъ присутственныхъ мѣстъ, то распространеніе на городскихъ головъ и членовъ управы дѣйствія ст. 10, 60, 181 прим. 1 и 185 уст. пенс. все-таки не могло бы имѣть мѣста, такъ какъ всѣ эти статьи, въ особенности примѣчаніе къ ст. 181, устанавливающее право на полученіе пенсіи изъ казны за службу на городскомъ жалованьи, носятъ характеръ такого рода изыятій и льготъ, дѣйствіе которыхъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть распространяемо по аналогіи: въ основу нашего уст. пенс. положено то правило, что пенсія чиновнику относится на тотъ же источникъ, изъ котораго производилась ему и выдача содержанія. Слѣдовательно, самая терминологія ст. 10, 60, 181 прим. и 185 уст. пенс. приводитъ къ тому выводу, что въ городахъ, гдѣ введено городское положеніе 1892 г., нѣтъ тѣхъ „чиновниковъ, служащихъ въ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ и получающихъ жалованье отъ казны“, къ которымъ могли бы имѣть примѣненіе означенныя статьи; тѣ должности, которыя имѣли въ виду эти статьи, упразднены, а возможность распространить дѣйствіе этихъ статей на какія-либо другія должности исключается тѣмъ, что статьи эти устанавливають изыятія изъ общаго правила.

Итакъ въ городахъ, гдѣ введено городское положеніе, вопреки установившейся практикѣ и несмотря на наличность въ уставѣ о пенсіяхъ такого рода постановленій, которыя, повидимому, говорятъ обратное, за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не можетъ быть признано никакихъ особыхъ, не предусмотрѣнныхъ въ городскомъ положеніи правъ на распоряженіе городскими средствами при назначеніи пенсій должностнымъ лицамъ города. Поэтому все участіе министра вн. д. въ назначеніи этихъ пенсій можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ предѣлахъ и лишь въ той формѣ, въ какой

оно вообще допускается городскимъ положеніемъ.

Н. Лазаревскій.

Право ипотечнаго кредитора на удержаніе за собою имѣнія должника при несостоявшемся публичномъ торгѣ.

Всякій вопросъ, касающійся осуществленія права, представляетъ серьезный интересъ не только съ точки зрѣнія практической, какъ наглядная иллюстрація для возможности сужденія о предѣлахъ и существѣ того права, которое держатель этого послѣдняго намѣревается осуществить, но и съ точки зрѣнія теоретической, ибо шипы, растущіе на пути реализаціи права, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ показателями тѣхъ недочетовъ и погрѣшностей въ формулировкѣ самаго права, которыми и вызываются затрудненія. Пытаясь осуществить приобрѣтенное мною право способомъ и порядкомъ, закономъ установленнымъ, я наталкиваюсь на препятствія, которыя могутъ являться либо результатомъ неправильнаго примѣненія закона, либо результатомъ неясностей этого послѣдняго, его неполноты, несоотвѣтствія потребностямъ экомическаго оборота и т. д. Съ этой точки зрѣнія изслѣдованіе всякихъ осложненій при осуществленіи правъ представляетъ большой интересъ. Врядъ-ли мнѣ слѣдуетъ останавливаться на доказательствѣ того, что вопросъ, выписанный мною въ заглавіи настоящей замѣтки, является *de legalata* спорнымъ. Самое поверхностное ознакомленіе съ сенатской практикой укажетъ намъ, что наше высшее судилище мѣняло взгляды свои по этому вопросу по нѣсколько разъ въ годъ. Положеніе судебныхъ мѣстъ, долженствующихъ ради единообразнаго примѣненія закона считаться съ кассаціонной практикой, оказывается, какъ оно ни странно на первый взглядъ, и крайне тяжелымъ, и весьма пріятнымъ. Тяжелымъ—потому что трудно ориентироваться среди весьма сбивчивой практики Сената, пріятнымъ—потому что какъ ни рѣши, а за подкрѣпленіемъ далеко ходить не приходится.

Въ литературѣ намѣченный мною вопросъ былъ еще недавно опять предметомъ обсужденія. Вопросу этому была посвящена статья А. Лонгинова ¹⁾, въ которой почтенный авторъ указывалъ, что практика „внесла въ законы о публичныхъ торгахъ страшную темноту“.

При столкновеніи правъ залогодержателя съ правами личныхъ кредиторовъ при публичной продажѣ могутъ быть два случая, нормируемые закономъ совершенно различно: возможно, что срокъ по закладной уже наступилъ, и залогодержатель является *взыскателемъ*; либо срокъ этотъ не наступилъ, и залогодержатель является тогда *третьимъ лицомъ*, не участвующимъ въ процессѣ исполненія. Насколько въ первомъ случаѣ права залогодержателя прочны и точно опредѣлены закономъ, настолько во второмъ они шатки и редакци-

¹⁾ Журналъ Спб. Юридическаго общества 1897 г., кн. 8. Другія работы указаны при дальнѣйшемъ изложеніи.

рованы крайне неясно. Къ первому изъ указанныхъ случаевъ относится 2 п. 1068 ст. уст. гр. суд., ко второму—1 п. той же статьи. Соединять въ одно оба пункта и утверждать, что оба они имѣютъ въ виду интересы только залогодержателя, какъ это сдѣлано Правительствующимъ Сенатомъ (рѣш. 1889 г. № 29), никакъ нельзя ни съ точки зрѣнія буквы, ни съ точки зрѣнія духа закона ¹⁾.

Предметомъ настоящей замѣтки является только столкновение между личными кредиторами и залогодержателемъ — взыскателемъ при публичной продажѣ недвижимаго имѣнія должника.

Остановилось предварительно на разрѣшеніи вопроса о судьбѣ назначеннаго въ продажу имѣнія при несостоявшемся торгѣ по 1187 ст. уст. гр. суд.

Въ этомъ случаѣ дальнѣйшія послѣдствія указаны въ самой статьѣ. Если, гласить эта послѣдняя, высшая предложенная на торгахъ цѣна будетъ ниже той, въ которую имѣніе заложено, то надлежитъ поступать по правилу, изложенному въ 1068 ст.

Обратимся къ этой послѣдней. Какъ извѣстно, она гласитъ:

„Новый торгъ можетъ быть назначенъ на общемъ основаніи:

1) когда все заложенное имущество будетъ прежде срока закладной назначено въ продажу по требованію кредиторовъ закладчика, и высшая предложенная на торгѣ цѣна будетъ менѣ той суммы, которую слѣдуетъ уплатить залогодержателю;

2) когда залогодержатель не пожелаетъ оставить имущества за собою“.

Изъ цитированной статьи 1 п. не относится къ разсматриваемому нами случаю столкновения правъ личныхъ кредиторовъ съ правами залогодержателя-взыскателя, ибо сей пунктъ говоритъ о назначеніи въ продажу имущества до срока закладной. Ссылка 1187 ст. можетъ, стало быть, относиться только ко 2 п. 1068. И дѣйствительно, пунктъ этотъ имѣетъ въ виду залогодержателя-взыскателя, ибо говоритъ объ оставленіи имущества за нимъ, что возможно только, *если онъ участвуетъ въ процессъ исполненія*.

Этотъ первый случай не можетъ, такимъ образомъ, возбуждать никакихъ сомнѣній. Если на торгахъ высшая предложенная за имѣніе сумма ниже суммы залога, то залогодержатель воленъ оставить имѣніе за собою, конечно, въ суммѣ залога, и только если онъ сего не пожелаетъ, то можетъ быть назначенъ новый торгъ. Вопросъ о томъ, быть или не быть такому второму торгу, рѣшается залогодержателемъ безапелляціонно и единолично. Никакого участія личные кредиторы въ разрѣшеніи этого вопроса принимать не могутъ. Какого характера правило, содержащееся въ 1187 ст.? Является-ли это правило общимъ или же нормировкой одного только случая, и притомъ нормировкой исключительной? Составляетъ-ли 1187 ст. исключеніе изъ какого-то другого, общаго правила? О чемъ говоритъ статья? Она имѣетъ въ виду случай предложенія на

торгахъ меньшей цѣны, чѣмъ сумма залога. Можно ли говорить при такихъ условіяхъ о состоявшемся торгѣ?

На это нужно отвѣтить отрицательно.

При наличности 1187 ст. торга нѣтъ: *онъ не состоялся*. Таковъ взглядъ Сената (1885 г. № 2, 1876 г. № 93). Такъ утверждаютъ и всѣ наши процессуалисты. Я не могу только согласиться съ формулировкой, даваемой этому случаю г. Вербловскимъ ¹⁾. Почтенный авторъ говоритъ, что по 1170 ст. торгъ признается безусловно несостоявшимся, независимо отъ желанія или нежеланія взыскателя, а по 1187 ст. торгъ является несостоявшимся въ зависимости отъ воли взыскателя-залогодержателя. Это не совѣтъ точно. И по 1187 торгъ является *безусловно* несостоявшимся, а лишь судьба имѣнія зависитъ отъ залогодержателя. Какъ бы онъ ни рѣшилъ, — перваго торга нѣтъ: рѣшилъ онъ оставить имѣніе за собою, оно будетъ за нимъ укрѣплено въ силу его залогового права, а не по торговому производству, да и укрѣпляется оно въ суммѣ, о которой на торгахъ не было и рѣчи. Не публичная продажа служить для него источникомъ укрѣпленія имѣнія, а отсутствіе этой продажи, при которомъ для него наступаютъ условія, заранѣе опредѣленные закономъ. Рѣшитъ залогодержатель не укрѣплять имѣнія, — будетъ назначенъ новый торгъ, ибо первый не состоялся. Стало быть, въ обоихъ случаяхъ торга не было и не было безусловно.

Такимъ образомъ, 1187 ст. имѣетъ въ виду случай несостоявшихся торговъ. Но такихъ случаевъ оказывается въ законѣ четыре:

1) если не явится желающихъ торговаться или явится только одинъ (1 п. 1170 ст.);

2) если изъ явившихся никто не сдѣлаетъ надбавки противъ оцѣнки (2 п. 1170 ст.);

3) если по окончаніи торга покупщикъ, внеся задатокъ, не уплатитъ остальной суммы въ срокъ (3 п. 1170 ст.);

4) если высшая предложенная на торгахъ цѣна будетъ ниже той, въ которой имѣніе заложено (1187 ст.).

Какъ поступать въ каждомъ изъ перечисленныхъ четырехъ случаевъ? Мы видѣли, что послѣдствія 4-го изъ выписанныхъ нами случаевъ несостоявшихся торговъ нормированы закономъ весьма опредѣленно. Гдѣ нормировка остальныхъ? Каковы права залогодержателя и какова судьба назначеннаго въ продажу имѣнія, если изъ явившихся на торги никто не сдѣлаетъ надбавки противъ оцѣнки? Гдѣ искать отвѣта на всѣ эти вопросы?

Ст. 1171 и сл. не могутъ разрѣшить наши недоумѣнія, ибо изъ бѣглаго уже чтенія ихъ видно, что онѣ имѣютъ въ виду лишь личныхъ кредиторовъ. Это вытекаетъ изъ обязательства оставить имѣніе за собою въ той суммѣ, съ которой начался торгъ (ст. 1176); изъ обязательства, возлагаемаго на кредитора, оставившаго за собою имѣніе, удовлетворить остальныхъ кредиторовъ (1173) и т. д.

Отвѣтомъ на выставленный выше рядъ вопросовъ можетъ служить только отвѣтъ на вопросъ, заданный

¹⁾ Ср. Исаченко, Гражданскій процессъ, т. V, стр. 523; также рѣш. гр. кас. деп. 1876 г. № 134, устанавливающее положеніе, противоположное въ сказанному въ цитированномъ № 29 за 1889 г.

¹⁾ Вопросы русскаго гражданскаго права и процесса. Москва, 1896 г., стр. 68.

мною раньше: какого характера велѣніе, содержащееся въ ст. 1187—общаго или частнаго, и отвѣтъ можетъ быть только одинъ: общаго. Ст. 1187 содержитъ не исключеніе, а общее правило, примѣнимое ко всѣмъ случаямъ несостоявшихся торговъ.

Выше мы видѣли, что случай, нормируемый 1187 ст., есть случай такого же безусловно несостоявшагося торгова, какъ и тѣ, которые перечислены въ трехъ пунктахъ 1170 ст. Ближайшій логическій разборъ фактическаго содержанія не только укрѣпите насъ въ высказанномъ мнѣніи, но и докажетъ, что всѣ остальные указываемые случаи несостоявшихся торговъ являются лишь *частнымъ* случаемъ того, который составляетъ предметъ 1187 ст.

Въ самомъ дѣлѣ: законодатель далъ залогодержателю право укрѣпить за собою заложенное ему имѣніе, когда люди явились на торгъ, торговались, надбавляли цѣну, но не достигли размѣровъ долга ему по закладной. А въ томъ случаѣ, когда эти же люди, собравшись, ни единого гроша не надбавили противъ оцѣнки, залогодержатель имѣетъ, надо полагать, сугубое право на укрѣпленіе за нимъ имѣнія, ибо этотъ случай относится къ первому, какъ меньшее относится къ большому. А когда люди даже не собрались торговаться, когда никакой цѣны не было предложено, или, выражаясь языкомъ математики, была предложена нулевая цѣна, какъ тогда? Естественно, что этотъ случай, въ свою очередь, относится къ второму, какъ меньшее къ большому. Установивъ право залогодержателя по 1187 ст., законодатель незначѣмъ было останавливаться на нормировкѣ послѣдствій остальныхъ случаевъ въ силу простого афоризма, что *minus in majori continetur*. Если законъ гласитъ (4 п. 1180 ст.), что торгъ признается недѣйствительнымъ, когда имѣніе продано *ранѣе* срока, назначеннаго въ объявленіяхъ о продажѣ, то ему незначѣмъ отдѣльно устанавливать, что торгъ является недѣйствительнымъ и тогда, когда объявленій о продажѣ *вовсе не было*. Это ясно и безъ того. Достаточно нагѣтить общія исходныя положенія; дѣлать заключенія, казалось бы, можно и самому.

По дѣлу Урусова съ Юкишемъ въ указѣ отъ 18 января 1897 г. Правительствующій Сенатъ согласился съ такимъ толкованіемъ и отмѣнилъ рѣшеніе Одесской судебной палаты, состоявшееся въ противоположномъ смыслѣ¹⁾, но сейчасъ же послѣдствіемъ высказать діаметрально противоположный взглядъ по дѣлу Цолубояринова, а затѣмъ по дѣлу Бахина съ Корвинъ-Красинской (указъ отъ 27 марта 1899 г.²⁾.

Надо еще замѣтить, что ст. 1187 отсылаетъ насъ, какъ мы видѣли, къ 1068 ст., относящейся къ публичной продажѣ движимаго имущества. Въ отдѣлѣ, содержащемъ правила относительно этой послѣдней (Разд. V, гл. IV) имѣется статья вполне аналогичная 1171 ст., а именно 1062. Естественно, что если 1187 ст. не содержитъ общаго правила, и ея примѣненіе возможно лишь въ одномъ опредѣленномъ случаѣ, а не при всѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ 1171 ст., то и примѣненіе 1068 невозможно ко всѣмъ случаямъ, указаннымъ въ

1062 ст. И наоборотъ, если правило, содержащееся въ 1068 ст., распространяется на всѣ случаи несостоявшейся публичной продажи движимаго имущества (1062), то правило 1187 должно распространяться на всѣ случаи несостоявшейся продажи недвижимыхъ имѣній (1170)¹⁾.

Вопросъ о томъ, что 1068 нормируетъ всѣ случаи несостоявшагося торгова, пересталъ, надо думать, быть вопросомъ не только въ литературѣ, но и въ судебной практикѣ²⁾. Пора и его двойнику въ отдѣлѣ о продажѣ недвижимыхъ имѣній перестать считаться спорнымъ. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы по этому вопросу Сенатъ высказался по департаменту, установивъ разъ навсегда опредѣленное толкованіе, которое устранило бы сбивчивую и противорѣчивую практику отдѣлений, ибо отъ неустойчивости и неединообразія примѣненія закона гражданскій оборотъ страдаетъ больше, чѣмъ отъ неправильнаго, но опредѣленнаго взгляда.

О. Пергаментъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

О дополненіи и измѣненіи штата центрального управления министерства юстиціи. Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о дополненіи и измѣненіи штата центрального управления министерства юстиціи, *мнѣніемъ положили*:

I. Въ дополненіе и измѣненіе Высочайше утвержденнаго, 28 декабря 1892 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта объ установленіи постоянного штата центрального управления министерства юстиціи: а) называть товарищу оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, должность коего учреждена Высочайше утвержденнымъ, 24 іюня 1884 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, добавочное содержаніе въ размѣрѣ *пятисотъ* рублей въ годъ; б) учредить, съ 1 января 1900 г., одну новую должность товарища прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, и в) увеличить, съ того же срока, на 2.000 р. въ годъ, сумму, отпускаемую въ распоряженіе министра юстиціи на усиленіе средствъ центрального управления по производству особыхъ уголовныхъ дѣлъ.

II. Вызываемый указанными въ отдѣлѣ I мѣрами ежегодный расходъ относить: въ суммѣ *четырехъ тысячъ пятисотъ* рублей на средства государственнаго казначейства, а въ суммѣ *пятисотъ* рублей—на остатки отъ кредитовъ, ассигнуемыхъ по смѣтѣ министерства юстиціи на содержаніе личнаго состава судебныхъ установленій.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 4 іюня 1899 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

¹⁾ Противоположное мнѣніе высказано въ „Правѣ“, 1. с.

²⁾ См.: Исаченко, т. V, стр. 528; Анненковъ т. V, стр. 244, 411. Тамъ же ссылки на литературу.

¹⁾ См. Лонгиновъ, назв. ст.

²⁾ См. „Право“, № 24 стр. 1263—1266.

Хроника.

Проектъ правилъ найма рабочихъ на сельскохозяйственныя работы вносится министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ въ осеннюю сессию.

Проектъ устава центрального банка для учрежденія мелкаго кредита, переданный весной по распоряженію министра финансовъ въ особую комисію, выработана окончательно.

По предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, въ земское положеніе проектируется внести поправку относительно **порядка избранія крестьянъ въ гласные**. Проектируемая поправка должна выразиться въ томъ, что каждой волости должно быть предоставлено право имѣть своего представителя въ собраніи и избирать для этого двухъ лицъ: одного гласнаго и одного кандидата.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ **разрѣшенъ въ будущемъ 1900 году созывъ сѣзда представителей исправительныхъ заведеній** для малолѣтнихъ преступниковъ. На обсужденіе сѣзда вносятся вопросы: о предоставленіи исправительнымъ заведеніямъ права задерживать исправляемыхъ до 21 года, если они недостаточно усвоятъ знаніе ремесла и окажутся не вполне надежными въ нравственномъ отношеніи; объ испытаніи вновь поступающихъ малолѣтнихъ преступниковъ и объ устройствѣ центрального пріюта для трудно исправимыхъ и выпускаемыхъ нынѣ на свободу, по достиженіи ими 18-лѣтняго возраста.

Въ февралѣ 1897 года петербургское губернское земское собраніе, между прочимъ, постановило ассигновать 1000 р. на **производство мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій** и собранія свѣдѣній, въ которыхъ такъ часто нуждается экономической совѣтъ при губернской управѣ. Въ слѣдующемъ очередномъ губернскомъ собраніи, въ февралѣ 1898 года, губернская управа доложила, что эти мѣстныя изслѣдованія не могли быть произведены, такъ какъ губернская администрація, въ лицѣ и. д. губернатора, признала, что рѣшеніе вопроса о программѣ статистическихъ изслѣдованій принадлежитъ ей и должно восходить на разсмотрѣніе центральныхъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и притомъ не въ порядкѣ, установленномъ положеніемъ о земск. учрежд. 1890 г., а на основаніи специальныхъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изданныхъ ранѣе вышеозначеннаго положенія. Признавая свой взглядъ на дѣло совершенно правильнымъ, губернская управа обратилась къ и. д. губернатора съ просьбою передать вопросъ о производствѣ статистическихъ изслѣдованій на разрѣшеніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, присутствіе постановило признать представленіе губернской управы не заслуживающимъ уваженія, предложивъ ей въ точ-

ности исполнить предложеніе и. д. губернатора. Собраніе приняло предложеніе управы, и послѣдняя представила все дѣло на разрѣшеніе сената. Въ настоящее время, — какъ передаетъ газета „Спб. Вѣд.“, — сенатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, опредѣлилъ: состоявшееся по настоящему дѣлу постановленіе С.-Петербургскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія отмѣнить.

Новороссійская городская дума, опредѣленіемъ отъ 31 января 1898 г., постановила выдать на предметъ **организациі въ городѣ народныхъ чтеній и народныхъ развлеченій 350 р.** Это постановленіе думы было приостановлено губернскимъ начальствомъ исполненіемъ и передано на обсужденіе общаго губернскаго присутствія, которое нашло, что, въ виду недостаточности денежныхъ средствъ г. Новороссійска, являлось бы болѣе целесообразнымъ ассигнованную городскимъ общественнымъ управленіемъ сумму на вышеуказанный предметъ обратить на удовлетвореніе болѣе насущныхъ и обязательныхъ для города расходовъ, почему 21 февраля отмѣнило постановленіе думы. Городскимъ головою на это постановленіе была принесена жалоба въ Правительствующій Сенатъ, который, какъ передаетъ „Приазовскій Край“, не нашелъ неправильности въ упомянутомъ ассигнованіи и опредѣлилъ постановленіе общаго присутствія Черноморской губерніи по настоящему предмету отмѣнить.

Въ министерствѣ юстиціи возбужденъ вопросъ объ **ограниченіи количества присяжныхъ стряпчихъ иудейскаго происхожденія** при коммерческихъ судахъ. Наибольшее вниманіе обращено на присяжныхъ стряпчихъ этого рода, занимающихся производствомъ конкурсныхъ дѣлъ. Въ настоящее время уже рѣшено не допускать присяжныхъ стряпчихъ-евреевъ имѣть больше трехъ конкурсныхъ производствъ въ однѣхъ рукахъ.

По слухамъ, рѣшено кореннымъ образомъ **преобразовать уѣздную полицію въ Привислянскомъ краѣ** и приблизить ее по устройству къ уѣздной полиціи внутреннихъ и западныхъ губерній, значительно усиливъ ее численный составъ, а также увеличивъ окладъ содержанія. Существующая въ Привислянскомъ краѣ подъ названіемъ земской стражи уѣздная полиція образована послѣ возстанія 1863 года, и ей была дана „военная“ организациія, такъ какъ на нее было возложено между прочимъ преслѣдованіе остатковъ повстанческихъ бандъ. Вслѣдствіе значительнаго роста населенія и фабрично-заводскаго дѣла въ краѣ за послѣднія 35 лѣтъ, численный составъ земской стражи оказывается нынѣ слишкомъ недостаточнымъ. Недостаточно также матеріальное обезпеченіе стражи: на примѣръ, младшій земскій стражникъ получаетъ всего 7 р. 50 к. содержанія въ мѣсяцъ.

Степнымъ генераль-губернаторомъ возбужденъ вопросъ о **предоставленіи администраціи права налагать на киргизскія общества денежные взысканія** за ущербъ, причиняемый осѣдлому населенію края конокрадами изъ киргизовъ.

Осенью въ Государственномъ Совѣтѣ предстоитъ разсмотрѣніе вопроса о присяжныхъ бухгалтеряхъ.
(Россія).

Министерство внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ издать наказъ земскимъ начальникамъ съ цѣлью установить однообразный порядокъ въ административной дѣятельности земскихъ начальниковъ. Министерствомъ, по словамъ „Бирж. Вѣд.“, предложено подвергнуть проектъ обсужденію въ губернскихъ присутствіяхъ и представить заключенія къ 15 сентября.

При департаментѣ торговли и мануфактуръ организовано совѣщаніе для окончательной разработки составленнаго особой комиссіей при министерствѣ финансовъ проекта положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и складовъ и о надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ.

По вопросу объ упраздненіи коммерческихъ судовъ большинство биржевыхъ комитетовъ высказалось, по свѣдѣніямъ С. О., отрицательно.

Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что законность состава засѣданій земскаго собранія обусловливается наличностью въ засѣданіи половины всего числа гласныхъ, имѣющихъ право рѣшающаго голоса.

Въ Туркестанскомъ краѣ, въ виду послѣдовавшаго введенія судебныхъ уставовъ, возникли затрудненія въ приснаніи помѣщеній для выѣздныхъ сессій окружныхъ судовъ. Главное начальство края озабочено выясненіемъ вопроса о томъ, въ какихъ мѣстностяхъ должны быть устроены временныя помѣщенія для судовъ.

Опредѣленіемъ Ташкентскаго окружнаго суда въ одномъ изъ первыхъ общихъ собраній суда по его открытіи былъ принятъ въ присяжные повѣренные отставной коллежскій совѣтникъ г. М. Б. Ташкентская судебная палата зачислила г. Б. въ списки присяжныхъ повѣренныхъ округа палаты и опубликовала о семъ въ мѣстныхъ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ. На это зачисленіе подана была въ Ташкентскую судебную палату жалоба со стороны присяжнаго повѣреннаго округа той же палаты г. Л., живущаго въ Самаркандѣ, черезъ постановившій опредѣленіе Ташкентскій окружный судъ. Въ жалобѣ этой г. Л. доказывалъ, что онъ будучи членомъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, какъ организованнаго единенія лицъ, имѣетъ право ходатайствовать въ защиту сословія въ случаяхъ нарушенія къмъ либо правъ и привилегій сословія, и что судъ, на осн. ст. 354 Учр. Суд. Уст. и рѣш. 1 общаго собр. Прав. Сен. 1879 г. № 14, 1882 г. № 22, 1884 г. № 35 и 1875 г. № 14, не имѣлъ права зачислить г. Б. въ присяжные повѣренные, какъ лицо, не имѣющее высшаго юридическаго образованія. Вслѣдствіе сихъ соображеній, видя въ такомъ опредѣленіи нежелательный прецедентъ, присяжный повѣренный Л. просилъ опредѣленіе суда отмѣнить и г. Б. изъ списковъ присяжныхъ повѣренныхъ выключить. Жалоба эта была возвращена Ташкентскимъ окружнымъ судомъ г-ну Л. при объявленіи, что согласно ст. 376 Учр. Суд. Уст. за г. Л. не можетъ

быть признано право обжалованія опредѣленій суда о зачисленіи третьихъ лицъ въ присяжные. Г. Л., руководствуясь ст. 9 и 764 уст. гр. суд. и рѣш. 1 общ. собр. Прав. Сен. по д. Фектушева отъ 1879 г. № 14, подалъ жалобу непосредственно въ Ташкентскую судебную Палату, доказывая, что означеннымъ рѣшеніемъ Правит. сената, признано, что при разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ ст. ст. 353—406 учр. суд. уст. не дають положительнаго отвѣта, и потому при неполнотѣ закона ссылка суда на ст. 376 учр. суд. уст. не заслуживаетъ уваженія, и что согласно ст. 9 уст. гр. суд. и ст. 406¹⁴ учр. суд. уст. со стороны заинтересованныхъ третьихъ лицъ должны быть допущены жалобы на постановленія суда о соответствіи или несоответствіи кого либо формальнымъ условіямъ, требуемымъ для зачисленія въ присяжные повѣренные. Ташкентская суд. палата оставила жалобу безъ послѣдствій.

Въ № 30 „Права“ (стр. 1487) напечатано было рѣшеніе Казанскаго окр. суда, коимъ отцу отказано въ искѣ о возвращеніи ему малолѣтняго сына его. Нынѣ, какъ передаетъ Каз. Тел., дѣло это слушалось въ Казанской суд. палатѣ, которая, отмѣнивъ рѣшеніе суда, удовлетворила исковыя требованія.

„Московскимъ Вѣдомостямъ“ пишутъ, что недавно въ д. Русская Борковка, никольской волости, ставропольскаго уѣзда, произошли беспорядки, возникшіе на почвѣ аграрныхъ недоразумѣній между крестьянами этой деревни и гр. Орловымъ-Давыдовымъ. Русская Борковка имѣетъ 232 двора и 1349 душъ населенія, сидитъ на четвертомъ надѣлѣ съ общою площадью земли въ 396 дес. Прочая земля, которою владѣли крестьяне Р. Борковки въ крѣпостное время, перешла въ собственность гр. А. Б. Орлова-Давыдова. Крестьяне считали ее своею, неправильно отнятою у нихъ потому еще, что у нихъ будто бы есть документы, что эта земля принадлежала имъ ранѣе и уже потомъ, вмѣстѣ съ ними, крестьянами, была пожалована Екатериной Великою графамъ Орловымъ. Крестьяне затѣяли дѣло и, очевидно, ничего не выиграли. Тогда они рѣшили расправиться по своему. Предупредивъ заблаговременно администрацію, крестьяне выѣхали въ поле, поставили тамъ столъ, разложили на немъ свои документы на землю, посадили за него своихъ стариковъ и стариковъ сосѣднихъ деревень. Такое оригинальное судьбище постановило: такъ какъ документы и свидѣтельскія показанія вѣхъ крестьянъ доказываютъ, что земля принадлежитъ не гр. Орлову-Давыдову, а крестьянамъ Р. Борковки, то ее пахать имъ. Тотчасъ же началась пахота. Объ этомъ бунтѣ сейчасъ же дали знать администраціи, и изъ Самары немедленно были отправлены три роты солдатъ. На мѣсто происшествія выѣхали: губернаторъ, прокуроръ, жандармскій полковникъ и другія власти. Нѣкоторые не видѣли въ данномъ дѣяніи бунта и были противъ исключительныхъ мѣръ. Однако, онѣ были примѣнены и вслѣдствіе этого беспорядки прекратились. Около 50 чело-вѣкъ зачинщиковъ арестованы.

На-дняхъ въ двинскомъ окружномъ судѣ слушалось

дѣло о полицейскомъ надзирателѣ Владимірѣ Рачковскомъ, обвинявшемся въ оскорбленіи „двинскаго добровольнаго пожарнаго общества“. На заводѣ Вальденберга возникъ пожаръ. Вместе съ казенными пожарными прибыли и вольные. Недовольный ихъ дѣйствіями, г. Рачковскій воскликнулъ, обращаясь къ лапильщику общества Якову Гершуни: „Ваше общество“... (слѣдуетъ непечатное слово). Охотники обидѣлись и подали жалобу въ губернское правленіе, которое опредѣлило предать г-на Рачковского суду.

Защитникъ его доказывалъ, что общества не могутъ служить объектами оскорбленія. Каждый отдѣльный членъ общества или корпораціи можетъ требовать возстановленія своей чести, если докажетъ, что обида относилась именно къ нему. Далѣе защитникъ обратилъ вниманіе на то, что обвиняемый руководился скорѣе доброй цѣлью: считая дѣйствія общества слишкомъ вялыми, онъ хотѣлъ высказать это велухъ, но въ суматохѣ не подобралъ подходящаго выраженія.

Товарищъ прокурора поддерживалъ обвиненіе, находя однако, что г. Рачковскій заслуживаетъ снисхожденія, такъ какъ дѣло происходило въ критическую минуту.

Окружный судъ призналъ полицейскаго надзирателя Рачковского, 35 лѣтъ, виновнымъ въ оскорбленіи „двинскаго добровольнаго пожарнаго общества“ и приговорилъ его къ трехрублевому штрафу, а въ случаѣ несостоятельности къ аресту на одинъ день.

8 іюля посѣтилъ каторжную тюрьму, № 1-й, прокуроръ Омской судебной палаты г. Кичинъ и нашелъ ее въ блестящемъ положеніи, какъ онъ самъ выразился въ книгѣ для записки замѣчаній начальства, за что весьма благодарилъ начальника тюрьмы. Онъ замѣтилъ, что онъ и за границей не видалъ тюремъ, обставленныхъ подобно этой, добавивъ: „это не тюрьма, а школа“.—Къ сожалѣнію, эта „школа арестантовъ“ служить школой развращенія „вольныхъ людей“: быть можетъ, мало кому извѣстно, что всѣ осужденные въ каторжныя работы, если въ приговорахъ упоминаются плети, прежде отправки въ Восточную Сибирь, доставляются въ Тобольскія каторжныя тюрьмы для наказанія ихъ плетью, послѣ чего они направляются уже далѣе. Такъ какъ среди арестантовъ-каторжанъ не находится охотниковъ брать на себя роль палачей, то выполняютъ эту операцію наказанія плетью *пожарные* по наряду. („Сиб. Л.“).

Г. Кіевскій полиціимейстеръ вновь подтвердилъ, по словамъ „К. С.“, всѣмъ **чинамъ полиціи о самомъ вѣжливомъ и предупредительномъ отношеніи къ публикѣ**. Всякія заявленія, неудовольствія и жалобы выслушивать внимательно и терпѣливо и всѣмъ оказывать законное содѣйствіе къ удовлетворенію ихъ претензій. Лицъ возбужденныхъ не раздражать отказомъ, а стараться успокоить и при невозможности оказать немедленную помощь, обѣщать разобратъ дѣло, записать фамилію и адресъ заявителя и не позже слѣдующаго дня черезъ мѣстный участокъ дать знать о результатѣ заявленія. При этомъ предупреждается, что если жалобы кого нибудь изъ публики на невѣжливость и грубость чиновъ полиціи подтвердятся дознаніемъ, то о виновныхъ классныхъ чинахъ и надзирателяхъ

будутъ представляться доклады г. губернатору, а городовые будутъ исключаться со службы.

Дѣятельность харьковскаго уѣзднаго сѣзда за 1898 годъ, какъ видно изъ годового отчета, представленнаго въ харьковское губернское присутствіе, сводится къ слѣдующему: уголовныхъ дѣлъ оставалось неразрѣшенныхъ къ 1 января 1898 года 167, вступило въ теченіе отчетнаго года 440; изъ нихъ окончено производствомъ 408, осталось неразрѣшенныхъ къ 1 января н. г. 199 дѣлъ; гражданскихъ оставалось къ отчетному году 357 дѣлъ, вступило во 1898 году 1017; изъ нихъ окончено производствомъ 908, осталось неразрѣшенныхъ къ 1 января н. г. 466 дѣлъ. Всѣхъ судебныхъ засѣданій въ 1898 году было 73, а административно-распорядительныхъ 12.

(Ю. Кр.).

Новороссійская дума, по словамъ „Сѣверн. Кавказа“, присоединилась къ ходатайству Екатеринодарской думы о введеніи въ Кубанской области и Черноморской губ. **суда присяжныхъ**.

Текущей осенью въ министерствѣ юстиціи будетъ обсуждаться вопросъ о введеніи **суда присяжныхъ** въ Тереккой, Кубанской областяхъ и въ Ставропольской губерніи.

Недавно Тамбовское губернское присутствіе разсматривало вопросъ о томъ, **требуется ли представленіе частными повѣренными свидѣтельствъ, установленныхъ правилами, приложенными къ ст. 5-й пр. о пр. суд. дѣлъ, при веденіи административныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ?** Этотъ вопросъ возникъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Общество крестьянъ с. Инжавинья, Кирсановскаго уѣзда, постановило черезъ своего повѣреннаго Медовщикова ходатайствовать о признаніи земли дворянина Петрово-Соловова, занятой подъ базарную площадь названнаго села, входящей въ черту крестьянской усадебной осѣдлости. Поданное Медовщиковымъ прошеніе по сему вопросу земскому начальнику 2-го участка Кирсановскаго уѣзда г. Михину было возвращено просителю **неразсмотрѣннымъ**. Мотивомъ къ этому послужило непредставленіе Медовщиковымъ свидѣтельства на право ходатайства по чужимъ дѣламъ. Считая дѣйствія земскаго начальника Михина по существу неправильными, Медовщиковъ обжаловалъ ихъ въ губернское присутствіе, которое, „обращаясь къ разсмотрѣнію ходатайства частнаго повѣреннаго Медовщикова, нашло, что, на основаніи 24-й ст. общ. пол. и разъясненій къ ней, сельскія общества на веденіе своихъ дѣлъ въ правѣ уполномочивать своими приговорами не только лицъ, принадлежащихъ къ ихъ обществу, но и лицъ, постороннихъ. Затѣмъ позднѣйшими правилами, приложенными къ ст. 5-й пр. о пр. суд. дѣлъ, изданныхъ со введеніемъ пол. о зем. нач. 12-го іюня 1889 г., на право хожденія по чужимъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, частные повѣренные обязаны получать изъ мѣстнаго уѣзднаго сѣзда установленныя на то свидѣтельства,

причем представлєніє такихъ свидѣтельствъ несомнѣнно становится обязательнымъ только при возбужденіи повѣренными ходатайствъ по судебнымъ дѣламъ, производящимся по правиламъ о производствѣ слухъ дѣлъ. Вслѣдствіе чего губернское присутствіе опредѣлило, не касаясь разсмотрѣнія по существу постановленія земскаго начальника 2-го участка Кирсановскаго уѣзда отъ 31-го мая 1899 года, согласно ходатайству частнаго повѣреннаго Медовщикова, въ порядкѣ надзора сообщить земскому начальнику, — съ увѣдомленіемъ о семъ Медовщикова, — что представлєніє частными повѣренными свидѣтельствъ, установленныхъ правилами, приложенными къ ст. 2-й пр. о пр. суд. дѣлъ, по административнымъ дѣламъ не требуется. („Рус. Вѣд.“).

Въ министерство внутреннихъ дѣлъ нерѣдко поступали ходатайства губернскихъ земскихъ собраній о включеніи предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, въ качествѣ третьихъ членовъ отъ земства, въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, увѣдомилъ начальниковъ губерній, для объявленія губернскимъ земствамъ, что подобныя ходатайства были неоднократно вносимы министерствомъ народнаго просвѣщенія на разсмотрѣніе комитета министровъ, который, со своей стороны, неоднократно же предоставлялъ министру народнаго просвѣщенія отклонять таковыя.

Библіографія.

Dr. Th. Kistiakowski. Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie. Berlin, 1899. (X—205).

Появленіе настоящаго сочиненія, посвященнаго вопросамъ методологіи общественныхъ наукъ и въ частности выясненію „глубокаго различія между изслѣдованіями въ области соціальной дѣйствительности и нормативными науками“, было встрѣчено въ Германіи авторитетными цѣнителями съ сочувственнымъ вниманіемъ, рѣдко выпадающимъ на долю начинающихъ писателей, когда они берутся за разрѣшеніе трудныхъ проблемъ наиболѣе общаго и отвлеченнаго характера. Терминъ „начинающій писатель“ не вполнѣ, впрочемъ, примѣнимъ къ г. Кистяковскому, который помѣстилъ уже въ русскихъ журналахъ нѣсколько статей по вопросамъ политики и искусства и, кромѣ того, оказалъ услугу русской криминалистической литературѣ переизданіемъ въ 1896 году изслѣдованія своего покойнаго отца, проф. А. Ф. Кистяковского, о смертной казни, обновивъ это изслѣдованіе довольно пространствомъ предисловіемъ, въ которомъ прослѣжена судьба вопроса о смертной казни со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія книги. — По мнѣнію автора, понятіе общества есть понятіе коллективнаго блага, составными частями котораго являются отдѣльныя члѣвѣческія личности. Но то, что составляетъ сущность этого блага и сообщаетъ ему единство, заключается въ извѣстномъ процессѣ или „отношеніи“, а именно въ психическомъ воздѣйствіи однихъ лицъ на другія.

Этимъ-то воздѣйствіемъ и имъ однимъ обуславливается различіе между обществомъ и простой суммой индивидовъ. Что же касается до понятія государства, то ему въ представленіи (или точнѣе: въ „воззрѣніи“) соответствуетъ тотъ же самый предметъ, что и понятію общества, и не только всякое государство является одновременно обществомъ, но и во всякомъ обществѣ можно найти, если не готовое государственное устройство, то, по крайней мѣрѣ, зачатки такого устройства. Поэтому противоположеніе государства обществу можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что при конструкціи одного изъ этихъ понятій руководствуются иной точкой зрѣнія, чѣмъ при конструкціи другого. Государство, какъ понятіе юридическое, имѣетъ непосредственное отношеніе къ извѣстнымъ нормамъ и къ извѣстнымъ правамъ и обязанностямъ. „Субстанціальная же сущность государства“, говоритъ авторъ, „лежитъ внѣ права и государства въ юридическомъ смыслѣ“. Она принадлежитъ къ спеціальной категоріи реальнаго, по существу не имѣющей ничего общаго съ формами и функциями собственно государственнаго бытія“ (60). При изслѣдованіи юридической природы государства приходится, по необходимости, абстрагировать отъ отдѣльныхъ индивидовъ и отъ соціальной группы. Наоборотъ, для познанія внутренняго характера связи, существующей между лицами, составляющими одно общество, авторъ совѣтуетъ совершенно игнорировать вліяніе права и государства (61). „Общество, какъ таковое, есть разсматриваемая безъ отношенія къ правиламъ и нормамъ совокупность людей, связанныхъ воедино извѣстными соціально-психическимъ процессомъ“ (72). Стремясь къ строгому разграниченію между областью юриспруденціи и въ частности государстvenнаго права, съ одной стороны, и областью общественныхъ наукъ, съ другой стороны, путемъ рѣзкаго противоположенія объектовъ, подлежащихъ въ той и другой области изученію, авторъ впадаетъ по отношенію къ общественнымъ наукамъ въ очевидную крайность, требуя отъ нихъ полнаго игнорированія правовыхъ институтовъ и въ томъ числѣ государства, — крайность, кетати сказать, прямо противоположную той, въ которой повиненъ Штаммлеръ, считающій, что сущность соціальныхъ процессовъ, какъ таковыхъ, исчерпывается фактомъ подчиненія отвошеній между людьми юридическимъ нормамъ, и что соціальная наука должна обязательно разсматривать всѣ явленія, изслѣдованіемъ которыхъ она занимается, не иначе какъ со стороны такого подчиненія нормамъ. Но въ другомъ отношеніи г. Кистяковскій сходится съ Штаммлеромъ, полагая вмѣстѣ съ послѣднимъ, а также, между прочимъ, и съ Іерингомъ, что къ изученію правовыхъ институтовъ примѣнима лишь телеологическая точка зрѣнія (156). Такимъ образомъ, въ схемѣ наукъ общественныхъ и юридическихъ, принятой авторомъ, не оказывается мѣста изученію происхожденія правовыхъ институтовъ и ихъ массовыхъ вліяній, которое, выходя изъ предѣловъ догматической юриспруденціи, составляетъ, очевидно, задачу исторіи права и общественной науки. Впрочемъ, что касается происхожденія юридическихъ нормъ, то г. Кистяковскій видитъ въ немъ вопросъ, входящій въ сферу науки объ обществѣ, въ его смыслѣ понимаемомъ, исходя изъ того представленія, что происхожденіе всякихъ юридическихъ (и этическихъ) нормъ можетъ быть сведено на психологическую почву общихъ лицамъ данной соціальной группы чувствованій и хотѣній (190). Такая общность психическихъ состояній, лицъ, составляющихъ одно общество, приводитъ, по автору, къ образованію („отложенію“) юридическихъ нормъ, являющемуся конечнымъ моментомъ извѣстнаго соціально-психического процесса. Тутъ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ неправильнымъ обобщеніемъ, такъ какъ юридическія нормы вовсе не обязательно возникаютъ указаннымъ способомъ. Вообще глава VI („Der

allgemeine und der individuelle Geist“), въ которой авторъ проявляетъ наибольшую самостоятельность, и въ которой именно трактуются, между прочимъ, и вопросъ о происхожденіи нормъ, страдаетъ однимъ **кореннымъ** недостаткомъ, а именно: разсужденія построены на томъ предположеніи, что всякая юридическая норма **непрерывно** находитъ соответствующее отраженіе въ сознаніи лицъ, подчиненныхъ ей дѣйствию. Отношеніе извѣстной юридической нормы, какъ таковой, къ соответствующему ей правовому убѣжденію отдѣльнаго лица уподобляется, по мнѣнію г. К., логическому отношенію рода къ определенному экземпляру этого рода, и онъ думаетъ, что такая точка зрѣнія умѣстна въ юриспруденціи (135). Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ юридическія нормы держатся вовсе не сознаніемъ тѣхъ лицъ, на которыя онѣ простраиваютъ свое дѣйствіе, и догматической юриспруденціи, по существу, дѣла нѣтъ до того, насколько изслѣдуемая ею нормы совпадаютъ или расходятся съ извѣстными убѣжденіями, въ большей или меньшей мѣрѣ распространенными въ данномъ обществѣ. Вотъ почему всякое вторженіе психологіи въ область догматической юриспруденціи и всякое заигрываніе послѣдней съ психологіей одинаково опасны и обречены на неуспѣхъ.—Съ точки зрѣнія своихъ положительныхъ взглядовъ на общество и государство и на задачи науки объ обществѣ, авторъ подвергаетъ критикѣ органическую теорію общества, доказывая несостоятельность примѣняемыхъ ею сторонниками логическихъ приемовъ и безцѣльность реальной аналогіи, какъ средства къ познанію социальнихъ явленій. Нѣсколько иначе, тѣмъ на органическую теорію общества, смотритъ г. К. на сравненіе государства съ человѣкомъ. Такого рода сравненіе, по его мнѣнію, умѣстно постольку, постольку человѣкъ разсматривается не съ естественно-исторической, а съ политическо-юридической стороны, т.-е. какъ гражданинъ и субъектъ правъ и обязанностей. Авторъ думаетъ, что въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ толковать и ученіе Платона о государствѣ, какъ о человѣкѣ большихъ размѣровъ, и готовъ видѣть въ этомъ мыслитель дравности предвозвѣстника современнаго ученія о государствѣ, какъ о юридическомъ лицѣ. Приравненіе государства къ человѣку получаетъ, по мнѣнію г. К., въ предложенномъ имъ освѣщеніи, совершенно определенный смыслъ и находитъ себѣ оправданіе, какъ средство, конечно довольно наивное, къ уясненію того, что государство въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ и къ собственнымъ гражданамъ является носителемъ единой воли. Наоборотъ, за органической теоріей общества авторъ никакихъ заслугъ не признаетъ, видя въ ней причину того, что „современная социологія, по внутренней своей сѣбности, стоитъ не выше астрологіи и алхиміи среднихъ вѣковъ, являясь перенесеніемъ чуждыхъ ей понятій и отношеній на область социальнихъ явленій“ (44). По поводу приведеннаго сужденія автора нельзя не замѣтить, что онъ въ сколько преувеличиваетъ значеніе вопросовъ методологіи для прогресса знанія, когда онъ такъ упорно настаиваетъ на строгости опредѣленій, точности терминологіи и полномъ разграниченіи между различными точками зрѣнія, примѣняемыми къ изслѣдованію общественныхъ явленій, какъ на необходимыхъ условіяхъ преуспѣянія социальной науки. Вспомнимъ Дж. Гершеля, по мнѣнію котораго терминологія или номенклатура любой данной науки есть скорѣе слѣдствіе, чѣмъ причина достигнутыхъ ею успѣховъ, или Канта, высказывающагося въ томъ смыслѣ, что для того, чтобы быть въ состояніи указать правила, по которымъ можетъ быть построена наука объ извѣстныхъ предметахъ, нужно уже обладать въ достаточно высокой степени знаніями объ этихъ предметахъ (Kritik d. r. V., издание Реклама, 1877, стр. 77). Но что такое представляетъ собою „современная социологія“, которую г. К. обвиняетъ въ отсталости? По его мнѣнію, социологія занимаетъ мѣ-

сто какъ-бы „общей части“ въ системѣ общественныхъ наукъ, изслѣдуя то, что является общимъ въ всѣмъ формамъ соединеній людей безотносительно къ вопросу, на какой почвѣ эти соединенія возникаютъ, т. е. на почвѣ ли экономической, религіозной, политической, научной и т. д. Право на существованіе понимаемой въ такомъ смыслѣ самостоятельной науки социологіи зависитъ, какъ замѣчаетъ авторъ, отъ того, заключаетъ ли она въ себѣ достаточно число проблемъ. На поставленный такимъ образомъ вопросъ г. К. не даетъ сколько-нибудь исчерпывающаго отвѣта, расчитывая, быть можетъ, что читатель не откажется обратиться за болѣе подробными разъясненіями къ цитируемымъ въ книгѣ сочиненіямъ Зиммеля, отъ котораго г. К. заимствовалъ свой взглядъ на задачи социологіи. Однако и у Зиммеля мы не найдемъ удовлетворительнаго отвѣта на упомянутый вопросъ, такъ какъ въ сущности возможность социологіи въ вышеозначенномъ смыслѣ можетъ быть доказана только на дѣлѣ. Между тѣмъ, до сихъ поръ сдѣлана лишь одна попытка, Зиммелемъ же, примѣнить эту новую методологическую точку зрѣнія къ изслѣдованію определеннаго вопроса—попытка, рѣшающаго значенія не имѣющая („Die Selbsterhaltung der Socialen Gruppe“, Schmollers Jahrbuch, 1898, 2 Heft *). При такомъ оригинальномъ и никѣмъ, кромѣ Зиммеля и г. К., не раздѣляемомъ взглядѣ на предметъ социологіи, представляется особенно важнымъ, чтобы читатель могъ всегда ясно видѣть, относится ли данное сужденіе, высказываемое авторомъ, ко всей области общественныхъ наукъ или же исключительно къ „социологіи“. Этому требованію изложеніе г. К., къ сожалѣнію, удовлетворяетъ не всегда. Вообще-же, въ дѣляхъ лучшаго выясненія своихъ взглядовъ, автору слѣдовало бы, хотя вкратцѣ, коснуться вопроса о подраздѣленіи науки объ обществѣ въ широкое смыслѣ, противопологаемой имъ наукамъ нормативнымъ (юриспруденція, этика), на отдѣльныя спеціальныя науки. Въ книгѣ содержится лишь намеки на то, что авторъ стоить и тутъ за самое суровое разграниченіе различныхъ областей. Такъ по поводу политической экономіи г. К. замѣчаетъ, что необходимость выдѣленія экономическихъ явленій въ особую вполне самостоятельную область изслѣдованія не можетъ подлежать сомнѣнію (78). Странно слышать это мнѣніе, высказываемое въ видѣ непереложной истины, отъ лица, которое во время своего пребыванія въ такихъ двухъ очагахъ политико-экономическаго индивидуализма, какими являются университеты Берлинскій и Страсбургскій, должно было имѣть случай убѣдиться въ томъ, что существуютъ весьма сильныя противники обособленія экономическихъ явленій, требующіе разсмотрѣнія послѣднихъ не иначе, какъ въ связи съ явленіями политическими, культурными, общесоциальными и проч. Но еще страннѣе, что г. Кистяковский приписываетъ заслугу оюнчательнаго выясненія необходимости изолированнаго изученія экономическихъ явленій „школѣ“ Маркса и Энгельса, которые на самомъ дѣлѣ скорѣе повинны въ обратномъ. Малопомятымъ представляется также встрѣчающееся въ предисловіи указаніе автора на то, что точкой опоры для его изслѣдованія, и притомъ одной изъ важнѣйшихъ, послужила теорія экономическаго материализма. Думается мнѣ, что трудъ г. Кистяковскаго, почти во всѣхъ своихъ частяхъ строго продуманный и отличающийся силой и глубиной логики и рѣдкой выдержанностью тона и направленія, при всей своей самостоятельности, обязанъ своими достоинствами въ значительной степени тѣмъ научнымъ вліяніямъ, на которыхъ воспитался его авторъ. Но Марксъ и Энгельсъ видной роли тутъ не играли, чтобы ни ду-

*) Болѣе раннее соч. Зиммеля о социальной дифференціаціи едва ли вполне подходитъ подъ указанную методологическую точку зрѣнія.

малъ объ этомъ самъ г. К. Настояще его вдохновители это тѣ лучшіе представители современной университетской философіи въ Германіи, которыхъ онъ слушалъ и читалъ: Виндельбандъ и Зиммель, которымъ посвящено сочиненіе, затѣмъ Зигвартъ, Риль, Риккертъ, а рядомъ съ ними изъ философовъ прошлаго Кантъ, Гербартъ, Лотце... Кромѣ того, авторъ считался съ литературой юридической, въ особености съ главнѣйшими представителями государственнаго права, а это доставило ему извѣстное преимущество передъ другими социологами и социаль-философами, чаще всего вовсе незнакомыми съ этой областью. Говоря о литературѣ, которою пользовался г. К., нельзя не пожалѣть, что, посвятивъ особую главу статистическому методу, онъ въ этой главѣ почти всецѣло примкнулъ къ такому сомнительному авторитету, какъ Ренишъ, взглядъ котораго на предметъ и задачи статистики сложились подъ влияніемъ критическихъ статей Кнаппа о Кетле. Между тѣмъ, высказываемые въ этихъ статьяхъ самостоятельные взгляды Кнаппа (высокое значеніе котораго для науки заключается въ изслѣдованіи чисто спеціальнаго характера, а отнюдь не въ широкихъ обобщеніяхъ, мало ему удающихся), поскольку указанные взгляды касаются вопроса о значеніи статистики вообще, поражаютъ своимъ плоскимъ эмпиризмомъ и совершенно не выдерживаютъ критики. Сочиненіе же г. К. нѣсколько пострадало отъ того, что онъ, черезъ посредство Рениша, реципировалъ Кнапповскія воззрѣнія. Можно также высказать сожалѣніе о томъ, что авторъ не считался вовсе съ такими сочиненіями, какъ „Социологія“ Е. де-Роберти и „Gemeinschaft und Gesellschaft“ Ф. Тенниса, имѣющими непосредственное отношеніе къ предмету разбираемаго труда. Въ предисловіи къ послѣднему г. К. обращаетъ вниманіе читателя на то, что онъ не предлагаетъ основанія новыхъ наукъ, а лишь настаиваетъ на болѣе строгомъ разграниченіи между областями уже существующихъ и признанныхъ наукъ. Критика, съ своей стороны, охотно признаетъ за авторомъ заслугу, что онъ въ этомъ отношеніи не поддавался искушенію дешеваго реформаторства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна будетъ поставить ему на видъ, что онъ напрасно отстываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія отъ укоренившихся названий наукъ: такъ, онъ употребляетъ въ несвойственномъ смыслѣ терминъ „Staatswissenschaften“, чему у насъ, какъ извѣстно, соотвѣтствуетъ политич. экономія съ финансами и полиціей благосостоянія, такъ что эта группа наукъ всегда противопоставляется юриспруденціи („Rechtswissenschaften“). Между тѣмъ г. К. къ „Staatswissenschaften“, какъ вытекаетъ изъ смысла его изложенія, относитъ государственное право, а то и отождествляетъ эти понятія. Кромѣ того, „Bevölkerungstatistik“ смѣшивается съ „Bevölkerungslehre“. Подобное неосторожное обращеніе съ установившейся терминологіей легко порождаетъ сбивчивость, менѣе всего допустимую въ сочиненіи на систематическую и методологическую тему.

В. Бортевичъ.

Вѣстникъ Права, 1899 г. № 6.

Въ статьѣ „Примѣненіе общихъ положеній уголовныхъ законовъ къ нарушеніямъ постановленій уставовъ казеннаго управленія“ *А. К. фонъ-Резонъ* доказываетъ, что общія постановленія улож. о нак. должны быть примѣняемы ко всѣмъ предусмотрѣннымъ въ немъ нарушеніямъ постановленій уст. каз. упр., безразлично, кому они подсудны (общимъ ли судамъ, казеннымъ управленіямъ или мировымъ судебнымъ установленіямъ); что общія положенія устава о наказ. примѣняются къ нарушеніямъ, предусмотрѣннымъ симъ уставомъ, также независимо отъ подсудности и что въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе опредѣляется за одно изъ нарушеній уст. каз. упр., какъ за извѣстный видъ общихъ преступныхъ дѣяній,

примѣняются общія положенія улож. или устава о нак., смотря по тому, подходитъ ли данное дѣяніе подъ дѣйствіе перваго или втораго. Непримѣнны общія положенія улож. и уст. о нак. къ пенямъ и акциденціямъ, такъ какъ эти невыгодныя послѣдствія нарушеній уставовъ каз. упр. не могутъ быть причислены къ наказаніямъ. Что же касается нарушеній, предусмотрѣнныхъ въ самыхъ уставахъ каз. упр., то и къ нимъ надлежитъ примѣнять общія положенія уголовного права; но общія постановленія одного уст. каз. упр. (напр., постановленія о давности уст. о герб. сб.) не могутъ быть примѣняемы къ другому безъ особаго предписанія закона. При этомъ, примѣняются общія начала не устава, а улож. о нак., хотя бы дѣло шло о такомъ нарушеніи, которое по общему правилу (33 ст. уст. уг. суд.) подсудно мировымъ суд. установленіямъ и пріемлется изъ ихъ подсудности только на основаніи 34 ст. того же устава: общія положенія улож. о нак. примѣняются, по мнѣнію автора (полемизирующаго съ касс. рѣш. 1896 г., № 7), и къ нарушеніямъ уставовъ каз. упр., подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, причѣмъ авторъ допускаетъ только одно исключеніе, а именно, для тѣхъ нарушеній, „которыя никогда не входили въ составъ улож. о нак.; и по которымъ наказанія лишеніемъ свободы назначены не въ размѣрѣ степеней по 38 и 39 ст. улож. о нак., а въ одномъ высшемъ размѣрѣ по примѣру 1 ст. уст. о нак.“.

Такое же примѣненіе общихъ положеній уголовныхъ законовъ обязательно для казенныхъ управленій при разрѣшеніи подсудныхъ имъ дѣлъ.

А. В. Волжскій въ замѣткѣ „Участіе прокурора въ направленіи дѣлъ частнаго обвиненія“ выражаетъ желаніе расширить это участіе въ томъ именно смыслѣ, чтобы квалифікація этихъ дѣлъ принадлежала прокурору, ложилась бы въ основаніе преданія суду и чтобы на прокурора было возложено и обвиненіе по дѣламъ этого рода, но только по желанію и въ предѣлахъ уполномочія отъ частнаго обвинителя.

Н. М. Коркуновъ продолжаетъ печатать свои историческія изысканія по вопросамъ государственнаго права. На этотъ разъ дѣло идетъ о **проектѣ преобразованія гражданской службы**, выработанномъ въ комитетѣ 6 декабря 1826 г. и одобренномъ огромнымъ большинствомъ государственнаго совѣта. Проекту этому, однако, не достачливилось стать закономъ благодаря происшедшему крутому повороту въ воззрѣніяхъ Николая I. Печатая эту историческую справку, редакція въ примѣчаніи объясняетъ, что „вопросъ объ уничтоженіи чиновъ отъ времени до времени ставится на очередь въ печати; вообще порядокъ опредѣленія на службу и прохождение ея ждетъ капитальной реформы; поэтому помѣщаемая справка имѣетъ несомнѣнный интересъ для настоящаго времени“.

Гораздо болѣе пространнымъ и болѣе серьезнымъ примѣчаніемъ снабдила редакція слѣдующую статью: „**Страхованіе рабочихъ**“, представляющую переводъ монографіи проф. R. von der Borgh'ta въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издаваемого проф. Конрадомъ, Лекенсомъ и др. Г. Слюзбергъ объясняетъ, что „отличительною чертою новѣйшаго времени необходимо признать тѣсное взаимодѣйствіе явленій экономическаго порядка на(?) юридическую конструкцію институтовъ частнаго права“. Тамъ, гдѣ это „взаимодѣйствіе“ сказывается, замѣчается „переходъ отъ... свободнаго соглашенія сторонъ въ договорѣ къ обязательному принудительному нормированію договора, который такимъ образомъ... подпадаетъ подъ обязательную нормировку самимъ закономъ (самого закона?). Въмѣстательство закона, напминающее собою принципъ полицейскаго государства 18 столѣтія, но вызванное экономическими условиями, проявляется больше всего въ договорѣ личнаго найма. Здѣсь „свободное

соглашение воль всегда было рѣдкимъ исключеніемъ, принудительность всегда была главнымъ элементомъ договора, только она всегда проявлялась экономически, а не юридически, и при томъ всегда была на сторонѣ работодателей.

„Новѣйшее законодательство—не только западноевропейское, но и наше—усвоило принципъ принудительности, какъ начала юридическаго, и притомъ примѣняетъ его въ пользу слабѣйшей стороны въ договорѣ“.—Трудно понять это противоположеніе—„принудительность на сторонѣ работодателей“ и „принудительность въ пользу слабѣйшей стороны“; но если послѣднее выраженіе, какъ можно догадываться, означаетъ законную нормировку договора въ интересахъ рабочихъ, то высказываемый здѣсь г. редакторомъ взглядъ, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ нашему законодательству вѣрно противорѣчить тѣмъ даннымъ, которыя были приведены въ статьѣ „Пересмотръ правилъ о наймѣ на сельскія работы“, напечатанной въ № 5 „В. Пр.“ (См. „Право“ № 27 стр. 1384—1386). Здѣсь горячо и справедливо доказывалось, что проектъ имѣетъ въ виду исключительно интересы нанимателей.

Весьма разнообразно составлено юридическое обозрѣніе: кромѣ послѣднихъ рѣшеній уг. касс. д-та и указовъ перваго общ. собр. Пр. Сената (большинство изъ нихъ извѣстны читателямъ „Права“ изъ судебныхъ отчетовъ и суд. и админ. практики), здѣсь разбирается интересный казусъ, возникшій въ сенатской практикѣ.

По силѣ статьи 121 уст. о ценз. (т. XIV изд. 1890 г.) считается прекратившимся всякое поврежденное изданіе, уже выходящее въ свѣтъ, но по какимъ либо причинамъ не появляющееся въ теченіе года. На этомъ основаніи въ 1894 году было признано „прекратившимся“ изданіе „Московской Газеты“, которая пропустила годичный срокъ по той причинѣ, что главное управленіе по дѣламъ печати систематически отвергало всѣхъ представляемыхъ издателемъ кандидатовъ для замѣщенія обязанностей отвѣтственнаго редактора. По жалобѣ издателя дѣло перешло на разсмотрѣніе Пр. Сената. Въ засѣданіи Сената по этому вопросу послѣдовали два противоположныхъ мнѣнія. Одно относитъ причину прекращенія газеты къ винѣ издателя, представлявшаго кандидатами на званіе редактора лицъ, на соотвѣтствующихъ обязанностямъ этого званія; другое же находить невозможнымъ примѣнять 120 и 121 ст. уст. ценз. къ тѣмъ случаямъ, когда отсутствіе редактора не находится въ зависимости отъ воли издателя, а вызвано неутвержденіемъ министра вн. дѣлъ. „Вѣстн. Права“ убѣдительно доказываетъ справедливость этого втораго мнѣнія, полагая, что при другомъ толкованіи произойдетъ несомнѣнное уменьшеніе правовой и имущественной сферы издателя, несмотря на всю жалкую наготу того права, которое у него отнимается.

Слѣдуетъ отмѣтить еще замѣтку по вопросу о правѣ крестьянъ-католиковъ польскаго происхожденія приобретать имѣнія въ западн. краѣ. Замѣтка эта написана по поводу появившагося недавно въ газетахъ сообщенія (см. „Право“ № 1252 стр. 24) о послѣдовавшемъ правит. распоряженіи, разрѣшающемъ означеннымъ крестьянамъ покупать земельные участки размѣромъ не свыше 60 дес. „В. Пр.“ выясняетъ, что крестьяне католики имѣютъ по закону право (какъ это призналъ и Пр. Сенатъ въ рѣшеніи за 1898 г. по дѣлу Родзюкевича), покупать имѣнія въ западныхъ губерніяхъ въ неограниченномъ количествѣ десятинъ.

Въ замѣткѣ „Вознагражденіе за увѣче по ст. 683 т. X ч. I“ продолжается полемика съ г. Змирло-

вымъ по поводу статьи его, напечатанной въ № 22 „Права“. Здѣсь, впрочемъ, не приводится доводовъ въ подтвержденіе мнѣнія, противоположнаго высказанному г. Змирлова но приводится лишь рядъ соображеній, которыя „рекомендуютъ осторожность“, узаывается, что „нельзя сказать, чтобы текстъ закона устранялъ всякія сомнѣнія“, и т. д.

Въ приложеніи напечатана первая половина выработаннаго комиссіей по составленію гражд. уложенія проекта обязательственнаго права, составляющаго V книгу гражд. уложенія. Кромѣ того, „В. Права“ печатаетъ и введеніе къ объяснительной запискѣ къ проекту V книги, трактующей преимущественно о включеніи постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ въ общее уложеніе. Мы горячо присоединяемся къ пожеланію „В. Права“, чтобы представители теоріи и практики посвятили проекту то вниманіе, котораго онъ бесспорно заслуживаетъ, и подвергли его обсужденію, самому глубокому и всестороннему.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Подписчину № 291.

Вопросъ: 1) Можно ли предъявить искъ въ упрощенномъ порядкѣ о взысканіи процентовъ по закладной, если отвѣтчикъ проживаетъ не въ томъ судебномъ округѣ, гдѣ находится заложенное имущество, и если можно, то въ мѣстѣ-ли жительства отвѣтчика или по мѣсту жительства нахождения заложеннаго имущества?

2) Если надъ имуществомъ залогодателя, послѣ совершенія закладной, учреждена администрація, то надлежитъ-ли, примѣняясь къ 223 ст. уст. гр. суд., предъявить искъ къ администраціи, какъ къ юридическому лицу, или же къ собственнику имущества?

Отвѣтъ: 1) По общему правилу, искъ предъявляется суду, въ округѣ котораго отвѣтчикъ имѣетъ постоянное жительство. Изъ этого общаго правила исключаются, какъ говоритъ законъ въ ст. 203 уст. гр. суд., положительно указанные въ законѣ случаи. Относительно же упрощеннаго производства въ ст. 365 постановлено, что искъ можетъ быть предъявленъ только по мѣсту постоянного жительства или временнаго пребыванія отвѣтчика. Такимъ образомъ, по отношенію къ упрощ. судопроизводству исключеніе терять свою силу и, слѣд., всякій искъ, который, согласно 365¹ ст., можетъ быть предъявленъ въ порядкѣ упрощеннаго судопр., долженъ быть предъявленъ по мѣсту постоянного жительства или временнаго пребыванія.

Этотъ выводъ подтверждается еще слѣдующими соображеніями: основное правило о предъявленіи иска по мѣсту жительства отвѣтчика установлено въ интересахъ послѣдняго; изъ этого правила—въ интересахъ истца или ради удобства процесса—допущены нѣкоторыя исключенія (см. напр., законодательные мотивы подъ ст. 206, 207, 218), но въ упрощенномъ порядкѣ судопроизв., когда дѣло разрѣшается быстро, отвѣтчику не дается времени для подготовки къ отвѣту, интересы истца и удобства процесса отступаютъ на задній планъ и искъ можетъ быть предъявленъ лишь въ мѣстѣ жительства или пребыванія отвѣтчика.

2) Такъ какъ изъ правила, установленнаго въ 22 ст. уст. гр. судопр., никакое изъятіе не сдѣлано, то и искъ, на закладной основанный, долженъ быть предъявленъ къ администраціи. См. также рѣшеніе Пр. Сената 1874 г. № 510.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.